

политика

Ю.А.Красин

ИНФРАСТРУКТУРА ДЕМОКРАТИИ

Володин А.Г. Политическая экономия демократии. —
М.: Гуманитарий, 2008

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, публичная сфера, многообразие социальной действительности

Представляю читателям журнала монографию, которая, на мой взгляд, заслуживает особого внимания специалистов-политологов. Книга вышла небольшим тиражом, и не все могли с ней ознакомиться. А прочитать ее важно каждому, кто всерьез интересуется современными проблемами демократии и гражданского общества.

Определяя замысел своего труда, автор утверждает, что наступило время «нового осмысления демократии как общественного явления» (с. 5). Объясняется это нестандартной практикой политического развития «переходных обществ», которые, с огромным трудом освобождаясь от авторитарно-деспотических оков веками существовавших традиционалистских порядков, пытаются найти собственный путь к демократии. Эта «специфика» не укладывается в рамки прежних представлений и порождает потребность в «новой, нелиберальной интерпретации демократии». Соглашаясь с аргументацией автора, добавлю к этому, что влияние глобальных вызовов отразилось и на «западной демократии», которая тоже нуждается в глубоком переосмыслении.

Свою задачу А.Г.Володин видит в том, чтобы проникнуть в корневую систему демократии, исследовать ее инфраструктуру — гражданское общество, «истинный очаг и арену всей истории»¹. Можно сказать, что книга представляет собой фундаментальную работу о проблемах гражданского общества, проливающих свет на трудности становления и развития демократии в современном мире. Но поскольку гражданское общество располагается непосредственно на стыке социально-экономических процессов, формирующих его содержание, и политики, избранное автором название — политическая экономия демократии — вполне оправданно.

Автор дает собственную оригинальную интерпретацию гражданского общества, кратко прослеживает генезис как самого этого феномена, так и его понятийного отражения в истории социальной философии. Гражданское общество, в понимании Володина, есть «автономное и саморегулируемое социальное пространство общественных отношений; в его рамках четко „проявлены“ экономические, социальные и иные многообразные интересы... Пространство гражданского общества представляет собой естественную социальную инфраструктуру политики и политических отношений» (с. 35—36).

¹ Маркс К.,
Энгельс Ф.
Соч. Т. 3. С. 35.

Это определение имеет несомненное преимущество перед широко распространенным у нас структурным определением, сводящим гражданское общество к совокупности негосударственных и некоммерческих организаций и оставляющим в тени его главный функциональный смысл — выражение многообразия частных жизненных интересов и их трансляцию в публичную сферу. Более того, отмечая роль гражданского общества в качестве источника «пассионарности» в истории западно-европейских стран, автор вплотную подходит к определению самой сути этого основополагающего понятия как *энергии общественной самодетельности, самоорганизации и саморазвития*.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что в ней проводится идея поливариантности гражданского общества и, соответственно, демократии, их зависимости от исторического опыта стран Запада и Востока. Выделяются две «концептуальные траектории» становления демократии в мировом пространстве: *спонтанная* (самопроизвольная) и *вынужденная* (не подготовленная предшествующим социально-политическим развитием). «Несходство социально-институциональных „матриц“ двух миров словно бы подталкивает западное общество к поискам новой объясняющей модели межстадиального перехода — от традиционализма к современности, а равно и от авторитаризма к демократии» (с. 8). Идея многообразия форм становления гражданского общества и демократии подкрепляется обстоятельным сопоставлением опыта западноевропейских стран и стран Востока (Индии, Южной Кореи, Тайваня). Собственно, это сопоставление «двух социальных практик» и составляет основное содержание монографии. В результате конкретного анализа богатого исторического материала автор приходит к выводу: разные практики порождают разные типы гражданского общества — «органический» в Западной Европе и «поляризованный» в странах Востока, где произошла «инверсия» социально-политического развития и институты демократии появились раньше, чем возникла соответствующая гражданская инфраструктура.

Органический тип характеризуется тесным взаимодействием гражданского общества с государством, что привело к формированию в Западной Европе целостных «наций-государств». «В ходе этого процесса государство и гражданское общество находились в сложных диалектических взаимоотношениях, в рамках которых каждый элемент этой диады одновременно и выполнял свои общественно необходимые функции, и был ограничителем потенциально деструктивных для общества тенденций, заложенных в своем антиподе» (с. 119).

В сущности, автором поставлена очень важная проблема налаживания, настройки эффективно действующего механизма обмена энергией между частной и публичной сферами общественной жизни. Люди втягиваются в политику, приходят к осознанию себя гражданами потому, что их побуждают к этому реальные жизненные интересы, стремление выразить и защитить их во взаимоотношениях с другими группами.

Совокупность частных интересов, естественно, многообразна и противоречива. Она не имеет в самой себе механизма сублимации частного в общее и в то же время крайне нуждается в таком механизме, чтобы общество не истребило себя в бесконечной войне всех против всех. Из этой потребности в регулировании многообразия частных интересов и вырастает государство как орган выражения общего интереса. Как оно выполняет свою функцию — другой вопрос. Очевидно, что мощные группы частных интересов способны оказывать на него влияние и даже превращать его в инструмент господства. В таких случаях государственная политика расходится с общим интересом, но все же вынуждена им прикрываться и хотя бы частично его выражать ради собственной легитимации.

Выражая те частные интересы, которые не попали в орбиту государственной политики или не учитываются ею, гражданское общество тем самым оппонирует государству. Но смысл этого оппонирования состоит не в том, чтобы «аннигилировать» публичную власть, а в том, чтобы заставить ее обратить внимание на эти интересы и выразить их в государственной, то есть публичной, политике. Следовательно, во взаимодействии присутствует не только оппонирование государству, но и сотрудничество с ним. Алгоритм такого взаимодействия: противоречие—антиномия «оппозиция—партнерство».

Противоречия присущи и взаимоотношениям *поляризованного типа* гражданского общества с государственными институтами. Но это иного рода противоречия. Они порождены не просто взаимодействием частных и публичных начал, а «инверсией» социально-политического развития общества. Применительно к Индии такая «инверсия» определяется в книге как «опережающее становление современных представительных институтов по сравнению с динамикой составляющих основу их жизнедеятельности процессов в социально-классовой структуре» (с. 230).

На протяжении трех глав Володин, опираясь на факты, со знанием дела, интересно и увлекательно рассказывает читателю о различных аспектах и последствиях этой «индийской инверсии». Воссоздается реальная картина поляризованного гражданского общества, медленно и постепенно освобождающегося от сетей конфессиональных и кастовых противоречий и прокладывающего себе дорогу к современной демократии. Общий вывод сформулирован следующим образом: «Размышляя о степени зрелости гражданского общества, о перспективах его общеиндийского утверждения, историк обязан не упускать из виду длительность самого процесса, каждый этап которого — это приближение к гражданскому состоянию общества и преодоление деформаций, оставшихся в наследство от предшествовавших исторических эпох» (с. 176).

С этим выводом хочется поспорить. Справедливо указывая на многообразие социальной действительности, автор пытается втиснуть это многообразие в прокрустово ложе однолинейного развития, посту-

лирую наличие некоего образца, к которому, хотя и разными путями, должны прийти все страны, каким бы своеобразием они ни отличались.

Вопреки собственному, мимоходом брошенному замечанию об «уникальности *западноевропейской модели развития*» (с. 124) автор провозглашает органический тип гражданского общества *классическим*. Если модель уникальна, то она неповторима. Между тем в монографии подчеркивается, что эта модель «есть некий эталон изучения демократии за пределами западноевропейского цивилизационного пространства» (с. 8). Выходит, что иные типы гражданского общества и демократии — вовсе и не типы, а просто недоразвитые модели одноединственного типа, реализованного в странах Западной Европы.

Существует точка зрения, согласно которой гражданское общество — это сугубо европейский феномен. Упомянутый в книге английский этнолог чешского происхождения Эрнест Геллнер полагал, что в других цивилизационных ареалах налицо альтернативы гражданскому обществу: шариат, родовые и клановые отношения. Скорее всего, это заблуждение. Но за ним стоит реальная проблема своеобразия проявлений энергии общественной самодеятельности в различных цивилизациях. Это касается не только процесса становления гражданского общества и демократии, но и конечных результатов этого процесса.

Следовательно, при всей значимости западноевропейского опыта его результаты не могут служить эталоном для социально-политического развития всех стран рождающегося сегодня многоликого «мира миров». Тем более что нынешний цивилизационный кризис затронул и казавшиеся «эталонными» формы жизнедеятельности «старых демократий».

Для того чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели. Демократия как форма политического правления должна покоиться на более широком основании демократии как образа жизни граждан. В этом качестве она проникает во все поры социума, становится «питательной средой» и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей. Политики, выполняющие властные функции по профессии или призванию, вращаясь в этой среде, воспринимают через нее каждодневно, а не только на выборах запросы, стремления, оценки и волю граждан (народа).

Ключевым звеном механизма демократии и формирования общего интереса и общей воли становится публичная сфера — постоянно действующий форум общенациональных дискуссий и обсуждений, арена совместной деятельности граждан, направленной на достижение общих целей. В публичной сфере артикулируется многообразие частных интересов и мнений, из сопоставления, согласования и сопряжения которых вырастают общие интересы и цели, определяющие содержание публичной политики.

Эта разветвленная система коммуникативных связей не укладывается в привычное определение демократии как формы правления.

Зарождение по преимуществу сетевой системы политических взаимодействий означает качественную модификацию демократии. Она выходит за рамки традиционной модели представительства интересов. В известном смысле возрождается прямая демократия, прямое влияние постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политическое правление погружено в широкий контекст публичной рефлексии.

Концепция демократии как образа жизни позволяет глубже осмыслить проблему специфики форм политического правления в разных цивилизациях. Особенности политического развития любого общества наиболее четко проявляются в образе жизни и политической культуре граждан, в общепринятых нормах отношения к структурам власти. В разных культурах соотношение элементов связки «индивид—социум» оценивается по-разному: в либеральной западной традиции акцент делается на свободе личности, тогда как в большинстве восточных стран приоритет отдается социуму. Поэтому попытки навязать либерально-западные критерии демократии странам с иной культурой вызывают реакцию отторжения. Мировая практика однозначно свидетельствует о том, что единого стандарта демократии нет и не может быть в принципе — слишком широк диапазон критериев, по которым таковая может определяться. Вероятно, правы те, кто предлагает говорить о «демократиях», а не о «демократии».

В конце концов, решающим критерием демократии является не устройство политических институтов, а то, в состоянии ли они найти и применить адекватные национальным традициям и культуре способы аккумуляции и выражения многообразия интересов и устремлений общества. А по институциональной структуре, методам деятельности, системным связям «демократии», вырастающие в разных социокультурных средах, обязательно будут различаться.

На такие раздумья наводит книга Володина. То, что это происходит, служит лучшим показателем творческого характера проведенного автором исследования.